

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330. 3

Т. Э. Вайскопф

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ РАДИКАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ*

Статья изначально являлась докладом на ежегодном собрании Союза радикальной политической экономики (СРПЭ), посвященном рассмотрению взглядов американского радикального политэконома — Дэвида М. Гордона (David M. Gordon). Автор статьи исследует эволюцию радикальной политэкономии после создания СРПЭ в 60-е годы XX в. организации экономистов, которые придерживались отличных от мейнстрима экономикс взглядов и организовали движение «новых левых» за трансформацию американской капиталистической системы. На протяжении пятидесяти лет всеобщий политический климат в США изменился в сторону правых взглядов, и перспективы радикальной трансформации американского капитализма становятся все более отдаленными. За этот же период произошли некоторые изменения внутри экономикс в сторону сближения с работами радикальных политэкономов. Автор анализирует направления этих изменений, которые меняют как фокус самой радикальной политэкономии, так и деятельность практиков, и показывает достижения радикальных политэкономов за пятидесятилетний период после создания СРПЭ. В заключение он выдвигает предложения о дальнейшем развитии радикальной политэкономии и работе практиков как в ближайшем, так и отдаленном будущем. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: радикальная экономикс, политическая экономия, экономическая мысль, капитализм, политические изменения, активизм.

Thomas E. Weisskopf

REFLECTIONS ON 50 YEARS OF RADICAL POLITICAL ECONOMY

This article was originally delivered at the annual meeting of the Union for Radical Political Economics (URPE), in the form of a lecture honoring a distinguished American radical political economist — the late David M. Gordon. The author examines how radical political economy has evolved since URPE was founded in the 1960s, as an organization of economists who dissented from mainstream economics and

Томас Э. ВАЙСКОПФ — почетный профессор, профессор экономикс, Университет Мичигана, Энн Эрбор, Мичиган 48109, США. Доктор экономикс, Массачусетский технологический институт, 1966, ул. Уилтон, 305, Энн Эрбор, MI 48103, США; tomw@umich.edu

Thomas E. WEISSKOPF — Professor Emeritus of Economics, Retired Professor of Economics, University of Michigan, Ann Arbor, Michigan 48109, USA. PhD in Economics, Massachusetts Institute of Technology, 1966, 305 Wilton St., Ann Arbor, MI 48103, USA; tomw@umich.edu

* Настоящая статья подготовлена в качестве лекции, посвященной памяти Дэвида М. Гордона, для презентации на ежегодной встрече членов Союза радикальной политической экономики, состоявшейся 3 января 2014 г. в Филадельфии.

© Г. В. Борисов, перевод, 2015

formed part of the “New Left” movement for a fundamental transformation of the American capitalist system. Over the following five decades the overall political climate in the United States shifted increasingly to the Right and the prospect of a radical transformation of American capitalism has become increasingly remote. Over the same period there have been some developments within mainstream economics that tend to converge with the work of radical political economists. The author explores the ways in which these changes have altered the focus of much of radical political economy as well as the activities of many of its practitioners; and he addresses what radical political economists have actually accomplished over the 50-year period since the founding of URPE. Finally, he offers suggestions for the orientation of radical political economy and the work of its practitioners both in the immediate future and in the more distant future. Refs 18.

Keywords: radical economics, political economy, capitalism, economic thought, political change, activism.

1. Введение

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить организаторов за оказанную честь выступить с ежегодной лекцией, посвященной памяти Дэвида М. Гордона.

Я считаю, что наиболее важной чертой, отличающей работы представителей радикальной политической экономии с момента основания в конце 1960-х годов Союза радикальной политической экономии (СРПЭ), было стремление объединить экономический анализ и политическую деятельность во имя основополагающих человеческих ценностей, таких как демократия, равенство и солидарность. Мы хотим, чтобы наши труды не только соответствовали высоким стандартам экономического анализа, но и были полезны для политических активистов, борющихся за улучшение общества. Мы относимся к своей преподавательской и исследовательской работе как к деятельности, которая не только позволяет лучше понять окружающий мир, но и является частью активной борьбы за улучшение благосостояния людей.

В этом отношении Д. Гордон был образцовым радикальным политэкономом. Он был не только выдающимся представителем радикальной политической экономии Северной Америки. Вместе с трудящимися, общественными деятелями и представителями средств массовой информации он, по сравнению с большинством из нас, прикладывал намного больше согласованных усилий, направленных на то, чтобы лучше понять окружающий нас мир и добиться признания наших идей на политической арене.

Если у меня есть какое-либо сравнительное преимущество в чтении лекции перед такой аудиторией, то это превосходство в возрасте: продолжительность моей трудовой деятельности как экономиста соответствует времени существования СРПЭ. Поэтому будет разумно, если я прослежу развитие радикальной политической экономии на протяжении последних пятидесяти лет, а затем обращусь к вопросу о перспективах науки.

2. Обстановка в конце 1960-х годов

В 1960-е годы в мире происходило следующее.

В Советском Союзе при Н.С. Хрущеве новое поколение шестидесятников¹ избавило общество от худших черт сталинизма. Страна стала более открытой в эконо-

¹ Термин означает «те, кто из 1960-х годов». Он используется в отношении поколения влиятельной советской интеллигенции и лидеров Коммунистической партии, которые в то десятилетие поддерживали либерализацию советской системы.

мическом плане и более демократичной с политической точки зрения, по крайней мере до ликвидации в Чехословакии либерального режима Дубчека.

В Китае, который первым в мире приступил к строительству крестьянского варианта социалистической экономики, культурная революция связана с появлением крайне эгалитарной социально-экономической системы.

Югославия быстро развивалась, используя форму рыночного социализма, который заявил о себе как многообещающий срединный путь между крайностями капитализма и социализма.

Фидель Кастро и Че Гевара совершили успешную революцию, победив империалистические силы США. Куба стала служить захватывающим примером того, как страна третьего мира может сбросить колониальное и неоколониальное ярмо, приступив к воплощению в жизнь левых революционных идей.

В Соединенных Штатах большую роль стало играть движение «новых левых». В частности, в студенческой среде усилилась политическая активность, сначала в поддержку гражданских прав и уничтожения ядерного оружия, а затем в пользу демократизации в широком смысле и участия в гражданской жизни, которая нашла отражение, например, в Порт-Гуронской декларации, принятой в 1962 г., и в расширении движения студентов за демократическое общество. К ключевым событиям также относились выступления студентов Калифорнийского университета Беркли за свободу слова в 1964 г. и диспуты против Вьетнамской войны, начавшиеся в Мичиганском университете в 1965 г. Дальнейшее наращивание призыва солдат для участия во Вьетнамской войне породило растущую волну выступлений против администрации Джонсона и американского истеблишмента. Движение в защиту прав негров в Америке способствовало усилению радикальных настроений среди белого населения; женщины начали решительно бороться с сексуальной дискриминацией и патриархальностью.

Таков контекст, на фоне которого в университетах многие студенты, а также некоторые преподаватели, в основном представляющие общественные и гуманитарные науки, стали придерживаться чрезвычайно радикальных взглядов в отношении подходов, общепринятых в соответствующих областях специализации. Они начали создавать диссидентские группы для обсуждения необходимости радикального переосмысления общепринятых идей, рассматриваемых как воплощение общественной несправедливости, а также для ознакомления широкой общественности с полученными выводами. СРПЭ был всего лишь одной из многих академических организаций левой ориентации, появившихся в то время, и одной из немногих, существующих поныне!

Считалось, что обе основные партии поддерживают авторитаризм и несправедливость, поэтому отрицался не только консерватизм, но и либерализм. Вдохновленные примерами Китая и Кубы, люди все восторженнее относились к революционным изменениям и поиску социалистической альтернативы для американского капитализма.

В свете вышесказанного неудивительно, что большинство членов СРПЭ обратились к радикальной политической экономии, пытаясь сформулировать реальную альтернативу общепринятой экономической науке, в которой доминировал «неоклассический синтез» микро- и макроэкономики. Они отталкивались от работ Карла Маркса и его последователей, пытались покончить с отговоркой о политической

нейтральности и призывали к использованию экономического анализа для обоснования фундаментальных социальных изменений. Перефразируя Маркса, можно сказать следующее: они считали, что «дело не в простом понимании мира, а в его изменении»!

Действительно, большинство из нас предполагали, что революционных изменений в США можно ожидать уже при нашей жизни. Как заметил Хаворд Вочел, говоря о первых годах существования СРПЭ, «в конце концов, это были шестидесятые, и мы думали, что возможно все»².

3. Первое десятилетие развития радикальной политической экономии (РПЭ)

Слово *радикальный* в названии РПЭ использовалось для того, чтобы обозначить, во-первых, принципиально иное понимание идеального общества, во-вторых, важность изучения глубинных причин (в отличие от поверхностных проявлений) в сфере экономики. Термин *политическая экономия* подчеркивал включенность экономических закономерностей в более широкий социальный, политический и исторический контекст.

Некоторые из радикальных политэкономов³ использовали оригинальный марксовский экономический анализ, изложенный преимущественно в «Капитале». Они опирались на трудовую теорию стоимости и объективный закон о тенденции нормы прибыли к понижению, из которого в конечном счете следовал неизбежный крах капитализма.

Многие из нас считали себя «неомарксистами», объединяя, порой эклектично, политические и философские идеи Маркса, которые задавали общие принципы анализа капитализма и альтернативных экономических систем, выводы последующих обществоведов и философов марксистской ориентации, а также общепринятые средства экономического анализа. Мы отрицали ортодоксальный марксизм: работы Маркса по проблеме отчуждения оказывали на нас не меньшее влияние, чем его экономическая теория капитализма.

Мы все старались провести четкую границу между подходом радикальных экономистов и взглядами либеральных и консервативных представителей общепринятой теории. Либеральные кейнсианские реформы считались неадекватной реакцией на серьезные недостатки капиталистической экономики. Подобные «нереволюционные» полумеры отвергались в пользу «революционных реформ» или даже революции.

Исследования радикальных экономистов охватывали многие области экономической науки. В их работах использовался социологический, политический, исторический и психологический анализ, поэтому они имели ярко выраженный междисциплинарный характер по сравнению с трудами представителей общепринятой экономической науки. Радикальные экономисты часто изучали явления, при объяснении которых с позиции стандартной экономической теории возникали трудности, т. е. они рассматривали случаи, на которые не распространялись логика поведения эгоистического индивидуума и достижения равновесия на рынке совершенной конкуренции.

² Это было сказано 3 января 2008 г. в Новом Орлеане на собрании объединенной ассоциации общественных наук, посвященном 40-й годовщине СРПЭ (см.: <http://www.tni.org/es/archives/act/18573>).

³ Далее в настоящей статье будет использован термин *экономист* вместо *политэконом*.

Мы обычно анализировали случаи, в которых функционирование капиталистической экономики оставляло желать лучшего, стараясь показать, что для исправления ситуации необходимы фундаментальные изменения в экономических и политических институтах. Прямо или косвенно мы призывали к построению новой социалистической экономики.

Некоторые полученные результаты были опубликованы в ведущих экономических журналах, ориентированных на освещение достижений общепринятой экономической науки. Но чаще наши труды появлялись в журналах, специализирующихся на трудовых отношениях, теории отраслевых рынков, методологии экономической теории, а также в ряде менее известных журналов, доступных для представителей различных политико-экономических направлений, наиболее значимым из которых был «Обзор радикальной политической экономии» (*The Review of Radical Political Economics*).

Всех радикальных экономистов объединяла убежденность в том, что капитализм как экономическая система далек от совершенства. Мы считали, что наша работа в качестве экономистов должна укрепить идеологию, противодействующую политической элите, и в конечном счете способствовать установлению альтернативной, по-настоящему демократической системы, основанной на подлинном участии людей в политическом процессе. Мы мечтали о революционной трансформации американского капитализма в принципиально новую форму социализма.

Большинство радикальных экономистов занимались политической деятельностью и были связаны с группами левого политического крыла. Мы обсуждали злободневные экономические вопросы и старались писать статьи и книги не для читателей специализированных журналов, а, скорее, для широкой публики, а также студентов, так как хотели внести в общественную дискуссию и обсуждение экономических вопросов элементы радикального подхода.

4. Что изменилось к настоящему времени

К 2014 г. в мире произошли следующие события.

Советский Союз канул в Лету вместе с коммунистическими режимами Восточной Европы. Некоторые из нас надеялись и ждали, что крах советской власти приведет к появлению смешанных систем, включающих кроме капиталистических элементов значительные социалистические компоненты. Но государства, возникшие в этой части мира, отвергли социализм в пользу строительства капитализма в той или иной форме, а их экономика в значительной мере интегрировалась в глобальную капиталистическую систему.

Китай продолжает называть свою экономику социалистической, которая, однако, функционирует как капиталистическая, включающая значительный общественный сектор. Полностью объединившись с глобальной капиталистической системой, его экономика характеризуется одновременно быстрыми темпами роста, углубляющимся неравенством и нарастающим истощением окружающей среды, оставаясь абсолютно недемократической.

Югославии больше не существует, а в появившихся на ее месте государствах не осталось и признака рыночного социализма.

Экономика Кубы мало чем отличается от первоначальной модели социализма, однако в ней постепенно появляются рыночные элементы для того, чтобы преодо-

леть существующие экономические трудности. Оставаясь откровенно недемократическим государством, страна находится в сильной зависимости от внешней экономической помощи, которую сначала оказывал Советский Союз, а затем Венесуэла.

В Венесуэле при Чавесе появились некоторые элементы социалистической экономической модели в условиях достаточно прочной политической демократии, однако ухудшение состояния экономики ставит под сомнение возможность сохранения социалистических черт после его смерти.

В США влияние всех левых политических сил, представленных новыми и старыми течениями и даже социал-демократическими движениями, в целом значительно снизилось, хотя некоторые политические группы левого толка по-прежнему имеют сильные позиции в отдельных частях страны, например в крупных городах, таких как Нью Йорк или Сан-Франциско, а также в университетских центрах — Амхерсте, Энн-Арборе или Беркли.

В 2008 г. разразился наиболее серьезный экономический кризис капиталистического мира со времен Великой депрессии. Он запомнился демонстративно безответственным, а иногда даже преступным поведением отдельных финансовых корпораций и представителей наиболее состоятельных сословий, которое привело к возникновению безработицы и неполной занятости, снижению реальной заработной платы, доходов и прибыли у большей части населения, а также к резкому увеличению неравенства. Даже те немногие радикальные экономисты, которые предвидели возникновение кризиса, не могли предположить, что существующая неолиберальная «социальная структура накопления» (ССН) сможет его пережить. Мы ожидали, что кризис потребует от действующих властей принятия непростых решений, а за периодом гражданских волнений, а то и хаоса, последуют фундаментальные изменения. Кто из нас мог предвидеть, что народное негодование по отношению к виновникам экономического кризиса — игрокам с Уолл-стрит, мировым финансистам, либеральным реформаторам, безучастным чиновникам и др. — в США будет подхвачено не представителями левых партий, а в основном сторонниками правых идей в рамках «движения чаепития»? И кто из нас сейчас возьмется предсказать, что мы выйдем из текущего кризиса с новой экономической и политической системой, которая будет больше соответствовать нашим чаяниям и ценностям?

Непреложным фактом является то, что текущий экономический кризис не вызвал массовых протестов и поэтому не привел к усилению левых политических сил. Да, кризис породил движение под названием «Захвати Уолл-стрит», которое обратило внимание общественности на бесчисленные случаи неравенства в современной жизни США и вызвало на время большой общественный резонанс. Однако его влияние на национальную экономическую политику было минимальным. Политические позиции сторонников рынка и невмешательства государства в экономику усиливались на протяжении четырех десятилетий, и кризис вряд ли их пошатнул. Непрерывный рост экономического неравенства и снижение ограничений на роль денег в политическом процессе способствовали тому, что основные партии стали рассматривать экономические проблемы в значительной степени с правых позиций. Например, предлагая изначально республиканские программы по вопросам здравоохранения, демократы превратились в партию центра, где прогрессивисты боролись за то, чтобы не допустить смещения на правые позиции. Уверовав, что правительство создает куда больше проблем, чем решает, республиканцы стали партией ис-

ключительно правого крыла, идеологи которого стремились проводить крайне правую экономическую политику⁴. На протяжении нескольких последних десятилетий почти во всех ведущих экономических державах мира неравенство росло, государственные программы поддержки благосостояния сокращались, фокус экономической политики смещался вправо.

Рассмотрим произошедшее с точки зрения анализа ССН, в разработку которого важный вклад внесли представители РПЭ, начиная с Дэвида Гордона⁵. В этой теории исторический процесс эволюции капитализма рассматривается как последовательность длинных волн, характеризующихся определенной ССН. Каждая из ССН возникает в ходе крупного экономического кризиса, существует в течение периода процветания и гибнет из-за противоречий на волне нового кризиса. В наиболее распространенных вариантах этого подхода описывается последовательность из ССН — с ранних форм капитализма, сменяемых его корпоративным вариантом, за которым следует регулируемая капиталистическая система, а с 1980-х годов — ее неолиберальная форма⁶. В этой последовательности ССН удивляет то, что последняя из них является поворотной точкой в исторической тенденции использования рыночного регулирования для достижения коллективно обусловленных целей развития экономики и общества. Неолиберальный капитализм представляет собой всего лишь его корпоративную версию, перенесенную с национального уровня на мировую экономику. До 1980 г. мы, оглядываясь назад, видели, что капитализм эволюционирует в направлении, задаваемом длинными волнами развития, так как его экономическая структура приобретала дополнительные социалистические черты. А на протяжении последних тридцати лет, наоборот, происходило удаление от любой из форм социализма.

5. Радикальная политическая экономия в течение последних десятилетий

В контексте упомянутой общемировой тенденции распространения правых политических идей неудивительно, что большинство представителей РПЭ изменили свое первоначальное негативное отношение, во-первых, к общепринятой экономической науке как либеральной, так и консервативной направленности, и, во-вторых, к попыткам улучшения капитализма с помощью реформ.

Тем не менее РПЭ продолжала отличаться от общепринятой экономической науки тем, что в первой из них уделялось большее внимание изучению: исторического контекста, межклассовых и межгрупповых конфликтов, использования силы

⁴ В ходе переписки по почте Курт Шулер напомнил мне, что по сравнению с 1960-ми годами политики в США стали придерживаться левых взглядов в отношении некоторых важных проблем, особенно по таким общественно-культурным вопросам, как независимость женщин, гражданские права национальных меньшинств, правовое положение лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, терпимость по поводу использования марихуаны. Однако первоначальные достижения по первым двум вопросам были впоследствии утрачены, по мере того как суды США и правительства многих штатов стали придерживаться все более правых позиций.

⁵ См. его ранние работы по длинным волнам и стадиям накопления: [Gordon, 1978; 1980].

⁶ Всесторонний анализ ССН в экономике США содержится в работах Bowles, Gordon, Weisskopf [1983; 1991]. Из работ последнего времени, содержащих анализ ССН, можно отметить: [Social Structures..., 1994] и [Contemporary Capitalism..., 2010].

группами и классами, а также причин возникновения различий между прибыльным и эффективным (или желаемым) типами поведения.

Радикальные экономисты внесли значительный вклад в изучение таких важных вопросов, как рост неравенства с конца 1970-х годов, трудовой процесс, сегментация рынка труда, патриархальность, расизм, длинноволновые циклы, экологические ограничения экономического роста. Спустя почти 45 лет после основания в качестве главного проекта СРПЭ журнал *The Review of Radical Political Economics* остается наиболее важным источником информации о работах в области РПЭ. Но радикальные экономисты активно публиковали свои труды как в журналах, ориентированных на общепринятую экономическую теорию, так и в специализированных изданиях, занимающих критическую позицию в отношении последней, например в *Feminist Economics* («Феминистическая экономика»), *Ecological Economics* («Экологическая экономика») и *The Journal of Post Keynesian Economics* («Журнал посткейнсианской экономики»).

Однако, несмотря на первоначальные намерения, представители РПЭ так и не разработали новой согласованной парадигмы для анализа экономических проблем. Как и другие неортодоксальные экономические направления, так или иначе критикующие общепринятую экономическую теорию и практику, РПЭ довольно эклектично использует аналитические средства, пытаясь противостоять появлению в экономическом мышлении правых идей и разработать эффективную альтернативу для экономической политики правого крыла.

Мы должны также признать, что со временем многие экономисты, относящиеся к общепринятой экономической науке, стали разделять и развивать идеи, которые были близки радикальной политэкономии. Например, РПЭ и общепринятая экономическая наука имеют много общего в трактовке таких проблем, как эффективная заработная плата и ее влияние на безработицу [Shapiro, Stiglitz, 1984], последствия асимметрии информации у покупателей и продавцов [Akerlof, 1970; Spence, 1973], теоретико-игровой анализ торга в ситуации конфликта [Binmore, 1970] и влияние «жизнерадостности» на поведение инвестора и макроэкономику [Akerlof, Shiller, 2009]. Многие достижения в этих областях были отмечены Нобелевскими премиями. Они были сделаны, несмотря на распространение в экономическом мышлении правых политических идей, что особенно заметно отразилось в содержании бакалаврских курсов по экономике, в которых результаты функционирования рынка стали оцениваться исключительно положительно, а вмешательство государства в экономику — отрицательно.

Сближение большей части РПЭ с новыми подходами в общепринятой экономической науке вызвало резкую критику со стороны тех радикальных экономистов, которые остались сторонниками традиционного марксизма, считающегося несовместимым с любой из форм общепринятой экономической науки. В СРПЭ всегда входили представители обеих групп радикальных экономистов, но между ними стали более отчетливыми различия во взглядах на экономическую методологию и на политическую практику, т. е. на выбор между эволюционным прогрессом, основывающимся на союзе с либералами, и революцией, проходящей в оппозиции как к либералам, так и к консерваторам.

Невзирая на степень сходства между основной массой работ в области РПЭ и новыми подходами в общепринятой экономической науке, профессора и студенты социологических факультетов стали проявлять больший интерес к идеям радикаль-

ных экономистов, чем представители экономических подразделений университетов. Достижения РПЭ, бесспорно, привлекли значительное внимание к вопросам социальной несправедливости, неравенства, дискриминации, провалов рынка и экономических кризисов, но сторонники общепринятой экономической науки, которые занимались указанными вопросами, почерпнули для себя немного из результатов, полученных радикальными экономистами.

Итак, что в действительности удалось сделать представителям РПЭ? Очевидно, что они не смогли повысить влияние левых идей на политический дискурс и экономическую политику Америки, но едва ли можно винить в этом радикальных экономистов. Многие из нас стали работать в организациях, ориентированных на проведение либеральной политики, и, без сомнения, произошло это в ряде случаев из-за ограниченных возможностей трудоустройства в академических учреждениях. В свою очередь, немало выдающихся либеральных экономистов, таких как Джо Стиглиц, Пол Кругман, Джеффри Сакс, Роберт Гордон (брат Дэвида Гордона), стали намного откровеннее и решительнее критиковать современный капитализм США, примкнув к радикальным экономистам в борьбе против политической гегемонии экономистов с правыми политическими взглядами и банкиров с Уолл-стрит.

Более того, существенно выросло число исследований и информационно-пропагандистских институтов, тесно связанных с РПЭ или находящихся под ее влиянием. В настоящее время большинство радикальных экономистов стремится сочетать работу в экономической сфере с участием в движениях, поддерживающих эволюционные социальные изменения, а также с деятельностью, направленной на защиту того, что было завоевано в прошлом, от нападков превосходящих сил правого политического крыла. Особенно большое значение имеет активная позиция радикальных экономистов, которые работают в институтах политических исследований и в СМИ, где они занимаются изучением политических проблем с позиции РПЭ и распространением полученных результатов. Многие из этих организаций были основаны радикальными экономистами, в том числе преподавателями и студентами колледжей и университетов, в которых РПЭ преподавалась в течение нескольких десятилетий. Они не создавали новой экономической парадигмы, а, объединив прогрессивность своего мировоззрения с основательностью экономического анализа, вступили в дискуссию по текущим вопросам экономической политики, касающимся, например, законов о прожиточном минимуме.

Известными примерами организаций левого политического крыла, преследующих указанные выше цели, являются Центр популярной экономики (*The Center for Popular Economics*) в г. Амхерст, штат Массачусетс; журнал «Доллары и здравый смысл» (*Dollars & Sense*) в г. Сомервилл, штат Массачусетс; Институт политэкономических исследований (*The Political Economy Research Institute*); Университет Массачусетса, г. Амхерст; Центр изучения экономической политики (*The Center for Economic Policy Research*) в г. Вашингтон, округ Колумбия; Институт мирового развития и окружающей среды (Университет Тафтс). Многие радикальные экономисты, в основном имеющие степень доктора наук, полученную в школах, предлагают программы или готовят специалистов по политической экономии, работают в более традиционных либеральных организациях, таких как Институт экономической политики (*The Economic Policy Institute*), Центр развития Америки (*The Center for American Progress*), Институт изучения политики (*The Institute for Policy Studies*), Американская

федерация профсоюзов (*The AFL-CIO*), Фонд новой Америки (*The New American Foundation*) и Институт нового экономического мышления (*The Institute for New Economic Thinking*). Вся эта деятельность не может сравниться с влиянием, информационным эффектом и финансовыми возможностями аналитических центров и средств массовой информации правого политического крыла, но она действительно создает противовес доминированию правых сил в общественном обсуждении экономических вопросов в США.

По моему мнению, к наиболее важным результатам, полученным радикальными экономистами в течение последних десятилетий, можно отнести следующее.

В качестве первого достижения следует выделить то, что многие студенты бакалавриата и некоторые слушатели программ магистратуры в процессе изучения экономики учатся рассматривать экономические явления в широком контексте, начинают относиться к снижению неравенства и устранению несправедливости как к настоящей моральной задаче, а к гуманизации экономической жизни — как к важнейшей цели.

Второе достижение состоит в создании и расширении влияния институтов, занимающихся, как рассмотрено выше, проведением и распространением результатов исследований в области радикальной политэкономии, которые усиливают позиции политических сил, стремящихся к осуществлению прогрессивных социально-экономических изменений.

Мы, радикальные политэкономы, не очень отличаемся от экономистов, занимающихся общепринятой экономической наукой, в вопросе о том, какие экономические проблемы заслуживают изучения, описания и преподавания. Также невелика между нами разница в используемых аналитических методах. Более важно то, что мы относимся к своей работе не только как к интеллектуальной задаче, но и как к возможности улучшить наш мир посредством политической активности. Другими словами, мы считаем, что нам нужно не только понять, как экономическая система действительно работает, но и, что куда сложнее, выявить, какие изменения в экономической политике и институтах необходимы для улучшения благосостояния людей.

6. Краткосрочная ориентация на коалицию

Именно потому, что мы хотим сделать свою работу полезной для политических сил, борющихся за совершенствование общества, нам, радикальным экономистам, нужно, как и раньше, принимать во внимание то, насколько реальное политическое окружение, в котором мы сейчас работаем, неблагоприятно для левых движений.

По моему глубокому убеждению, мы должны признать то, что немыслимо ожидать в обозримом будущем победы революционного восстания против капиталистического порядка на значительной части территории земного шара, включая США. Основание подлинного социализма любого типа, как посредством революции, так и в ходе эволюции, в одной из ведущих стран в ближайшие десятилетия маловероятно. Сейчас в развитых странах, а может быть, и не только в них, подлинная борьба ведется не за замену капитализма социализмом того или иного типа, а за построение или сохранение в какой-либо форме социал-демократического капитализма. Значительные успехи были достигнуты в Северной Европе, хотя даже здесь некоторые из достижений были утрачены в течение последних десятилетий.

Следовательно, чтобы быть реалистичными, представителям левых сил надо прекратить рассматривать перспективы мировой экономики с позиции дилеммы «капитализм — социализм» и вместо этого признать, что существует большое количество альтернативных возможностей в рамках капиталистической системы. Некоторые из них выглядят намного более предпочтительными по сравнению с современным устройством США, будучи при этом осуществимыми в рамках политических движений левого крыла, которые, по всей видимости, будут развиваться в ближайшие десятилетия. Но, чтобы достичь успехов, нам нужно понять тот политический контекст, в котором мы существуем.

Рассмотрим, чего добились и что не смогли сделать представители левых политических сил за последние сорок лет. В тех областях, где пересекаются интересы рабочего класса и менеджмента, а также там, где бедные слои населения противостоят богатым, мы продолжаем отступать. Рабочие и профсоюзы в значительной степени уступили свои позиции в пользу интересов собственников и менеджеров, безработица и неполная занятость возросли, разрыв между богатыми и бедными увеличился до невероятных размеров, бедность и незащищенность стали широко распространены.

Заметный прогресс в достижении целей, стоящих перед движением левых сил, произошел там, где основными получателями выгод выступали не только представители рабочего класса или бедных слоев населения, но и люди с достаточно высоким уровнем благосостояния. Женщины с высоким уровнем дохода выиграли от снижения дискриминации по половому признаку в отношении работников и жителей Америки, по крайней мере не меньше, чем представительницы бедных слоев. Точно так же выходцы из национальных и сексуальных меньшинств, имеющие высокий уровень дохода, получили, видимо, даже больше выгод от ограничения проявлений расизма и расширения прав ЛГБТ-сообщества, чем менее зажиточные члены этих субкультур. Во всех случаях политическая поддержка благополучных слоев населения имела решающее значение для проведения прогрессивных изменений.

Таким образом, мы должны признать, что в борьбе за восстановление и усиление социал-демократических элементов в капиталистической системе США, которую мы ведем с могущественными противниками, нам нужны союзники. Если начать с нашего профессионального сообщества, то я полагаю, что многие либеральные представители общепринятой экономической науки, воздерживаясь от активной борьбы, разделяют нашу обеспокоенность в связи с усилением правых сил и взгляды на отдельные основополагающие аспекты гуманизации общества. Нужно показать экономистам, придерживающимся достаточно умеренных взглядов, что если мы не хотим триумфа безумцев из правого политического крыла, то в наших интересах более активно участвовать в общественной дискуссии. Наблюдая, как могущественные политики постоянно пренебрегают основополагающими экономическими истинами, даже уклоняющиеся от активной борьбы экономисты, которые придерживаются общепринятого подхода, могут прийти к выводу о том, что проведение политики нельзя отдавать на откуп политикам, а, напротив, необходимо бороться с безумием.

Кроме того, я считаю, что прогрессивные силы должны не только стараться помочь нашим традиционным союзникам, таким как профсоюзы, стать сильнее. Мы также должны искать союзников среди широких слоев американского общества. Например, мы могли бы активнее работать с теми представителями капиталистиче-

ского класса, которые достаточно дальновидны, чтобы понять, что многие элементы экономической политики США, проводимой якобы в их интересах, в действительности противоречат долгосрочным интересам практически каждого гражданина. Среди представителей бизнеса, безусловно, есть предприниматели — женщины и мужчины, возглавляющие нефинансовые организации и работающие на отечественном рынке, которые понимают необходимость осуществления общественных расходов на образование и инфраструктуру, проведения программ создания занятости и энергосбережения, ограничения финансовых спекуляций и проч. Почему бы нам не попытаться отделить потенциально прогрессивные интересы бизнеса от запросов финансистов и правых идеологов свободного рынка?

Против подобной стратегии формирования коалиции можно возразить так: роль радикалов заключается в борьбе за осуществление настолько революционных реформ, в сравнении с которыми социал-демократические преобразования выглядели бы умеренными и разумными. Идея здесь состоит в том, что большинство политиков и широкие массы населения поддержат их, если придут к мысли, что такие преобразования необходимы для предотвращения более радикальных реформ, предлагаемых левыми силами. Но данная аргументация имеет смысл только в том случае, если революционные реформы пользуются достаточной поддержкой, которая делает их угрозой реальной. Отсутствие в современном американском обществе сильного леворадикального крыла превращает эту угрозу в пустой звук. По меньшей мере, на ближайшие несколько десятилетий задача заключается в объединении радикалов и либералов США в движение, которое было бы достаточно сильным для реализации довольно умеренных социал-демократических целей.

Я считаю, что то же самое можно сказать и о развитии СРПЭ как организации. Сейчас задачей-максимум является привлечение в наши ряды молодых единомышленников. Первые десятилетия, когда левое движение в США было намного сильнее и радикальная альтернатива существующему положению вещей привлекала многих выпускников школ и колледжей, такая цель была не актуальной. Но с тех пор все стало намного сложнее, особенно в ситуации экономического кризиса. В текущих экономических условиях студенты вынуждены намного серьезнее, чем раньше, относиться к трудоустройству, не говоря уже о выплате образовательного кредита, поэтому вмененные издержки участия в радикальных политических движениях сильно возросли. Чтобы сохранить и расширить целевую аудиторию, СРПЭ нужно привлечь в свои ряды молодежь с либеральными и социал-демократическими взглядами, а для этого нам необходимо производить впечатление сторонников умеренных взглядов. По моему убеждению, вместо того чтобы проводить границу между РПЭ и общепринятой экономической наукой, нам необходимо подчеркивать, что основным различием между ними является вовлеченность радикальных экономистов в активную политическую борьбу за достижение прогрессивных целей.

7. Долгосрочная задача поиска альтернативы капитализму

Учитывая огромное влияние правых идеологов свободного рынка и роль денег в политике, особенно в США, легко потерять надежду на укрепление социал-демократических элементов в нашей системе, не говоря уже о построении концептуальной альтернативы тому капитализму, который мы знаем. Влияние традиционных

предводителей левых сил — профсоюзов, которые никогда не имели в США такого значения, как в других странах, снижается и в Америке, и повсюду в мире. Левые силы заметны в средствах массовой информации, но их влияние второстепенно. Они в умеренном количестве представлены на избирательных пунктах, но не имеют значительного политического влияния, за исключением отдельных городов и университетских кампусов. Движение «Захвати Уолл-стрит» не имело финансовых и организационных ресурсов для того, чтобы бросить вызов власти предрержащим.

Из положительных явлений можно отметить то, что неумирающее рабочее движение добилось успехов в некоторых областях, особенно в бюджетной сфере экономики. Более того, имеются примеры позитивных сдвигов на низовом уровне, от случаев сопротивления взысканию имущества за долги до фактов организации фирм, имеющих демократический стиль управления, и распространения других форм экономической кооперации, представленных в Сообществе солидарной экономики (*Solidarity Economy Network*)⁷. Однако количество препятствий, встающих на пути восстановления силы рабочего движения и расширения движения солидарной экономики, по-прежнему ошеломляет. Если заглянуть в будущее, то возникает вопрос: появится ли там весомый оппонент у современного капитализма, в котором доминируют правые силы?

Влиятельная политическая альтернатива существующему положению дел может появиться только в ходе серьезного системного кризиса, который сопровождается возникновением внутренних противоречий, обрекающих на разрушение когда-то процветавшие системы социального накопления. Раньше я считал, что наиболее важными причинами возникновения будущих противоречий капитализма, которые будут способствовать развитию крупных кризисов, сопровождающихся фундаментальными структурными изменениями, являются, во-первых, разрушение социальной сферы и обусловленный ею рост гражданских беспорядков и конфликтов и, во-вторых, уничтожение природной среды с последующим истощением и исчезновением экологических ресурсов [Weisskopf, 1991]. Сейчас понятно, что я преувеличил значение первой причины, так как многие группы, ставшие маргинальными за десятилетия роста неравенства в современном капиталистическом обществе, не представляют и вряд ли станут представлять в будущем угрозу для правящей элиты капиталистического мира, пожалуй, за исключением некоторых стран, находящихся на его периферии. Отметим также, что экономический рост снижает политическую остроту проблемы неравенства, так как часть выгод, получаемых от экономического роста, перепадает малоимущим гражданам. Напротив, внимание политиков к вопросам экологии растет по мере развития экономики, потому что разрушение окружающей среды становится все более очевидным, как мы это видим в современном Китае.

Таким образом, я считаю, что экологические противоречия станут более серьезным испытанием для современного капиталистического порядка, чем социальные трудности. В самом деле, почти наверняка острота экологических проблем будет достаточной для того, чтобы похоронить капитализм в длительном периоде, хотя, скорее всего, для этого потребуются еще много десятилетий. Растущее неравенство, сопровождающееся возникновением социальных болезней, может создать множество

⁷ Информация о деятельности Сообщества солидарной экономики находится на страницах <http://www.ussen.org> (сведения по США) и <http://www.ripest.org/about-us/?lang=en> (данные по другим странам).

трудностей для существования капиталистической системы, но не будет представлять угрозы для ее экономического базиса. Разрушение природной среды, напротив, в конечном счете будет подрывать материальные основы капиталистического благосостояния.

Следовательно, противоречие между экономическим ростом, необходимым для поддержания стабильности капиталистической экономики, и экологическими ограничениями, вытекающими из истощаемости природных ресурсов, является основополагающим. Структурные изменения, необходимые для того, чтобы люди могли жить в условиях таких ограничений, должны в конечном счете привести к превращению всей капиталистической системы, ориентированной на достижение максимального роста производства и потребления, в общество, для которого охрана природы, перераспределение и качество жизни имеют большее значение, чем количество товаров. Капитализм просто не сможет дать того, что станет жизненно важным для человечества, а именно — подлинно устойчивого развития⁸. Это, очевидно, потребует коллективных усилий на уровне общества в целом, осуществляемых под контролем сильного государства, а также широкомасштабной замены рыночной логики действий на кооперативное мышление в сознании индивидуумов. Как отмечали многие специалисты-аналитики, «изменение климата — это наиболее серьезный из провалов рынка в человеческой истории» [Stern, 2007; Schor, 2011].

Необходимый нам переход к посткапиталистическому обществу может произойти в будущем двумя путями. Он может быть эволюционным, достигнутым за счет проведения максимально эффективных мероприятий по охране окружающей среды, инициированных левыми политическими силами в коалиции с менее радикальными, но более влиятельными центристскими движениями. Переход также может совершиться революционным путем при условии, что оппозиция достаточно окрепнет для успешной борьбы с властью имущими. По всей видимости, это может случиться только в ситуации глубокого кризиса, следствием которого являются экологические катастрофы и войны за ресурсы. Исторические сведения о том, какими затратами сопровождаются революционные изменения и какие они обеспечивают результаты, оказывают отрезвляющее действие. Я думаю, что имеет смысл добиваться всеми возможными способами реализации только эволюционной альтернативы.

Ключевым моментом является то, что разрушение природной среды будет оказывать влияние и на богатых людей, благосостояние которых не ухудшается, а, возможно, и улучшается из-за того, что бедные граждане беднеют, а эксплуатируемые рабочие бедствуют. Богатые тоже страдают, когда температура снаружи становится невыносимой, воздух — загрязненным, ураганы — все более свирепыми, а повышение уровня океана угрожает низинным территориям и прибрежной собственности. Конечно, богатые граждане по сравнению с бедными людьми обладают намного большим количеством ресурсов, для того чтобы защититься от последствий подобных экологических катастроф, но они не могут полностью оградить себя от них. По этой причине уже были предприняты небольшие усилия в области защиты

⁸ Подлинно устойчивое развитие предполагает «изменение способов материальной деятельности человека, которое позволит резко уменьшить использование не возобновляемых или трудно возобновляемых природных ресурсов, снизить загрязнение окружающей среды и, как следствие, сильно увеличить период времени, в течение которого будет возможным удовлетворять человеческие материальные потребности» [Sutcliffe, 1995].

окружающей среды по снижению зависимости от органического топлива и предотвращению глобального потепления.

В краткосрочном периоде угроза глобального потепления может быть снижена такими достаточно эффективными мерами, как использование монотонно возрастающего налога на уголь или эквивалентной системы торговли квотами, направленными на то, чтобы заставить производителей органического топлива платить за создаваемое ими отрицательное внешнее воздействие на природную среду, а также применение субсидий для развития возобновляемых источников энергии и проведения мероприятий по увеличению энергоэффективности жилого фонда [Hargis, 2013]. Главным препятствием на пути реализации данной стратегии выступает нехватка политической воли в вопросе преодоления сопротивления лиц, имеющих интересы в области производства органического топлива и обладающих огромными финансовыми ресурсами. Но политика в некоторых крупнейших странах мира уже начала меняться в благоприятном направлении из-за увеличивающихся экологических рисков. В этой области был достигнут реальный прогресс, особенно в странах Европы с более развитыми социал-демократическими традициями.

Очевидно, что для достижения экологической устойчивости мировой экономики в длительном периоде потребуются намного более радикальные изменения, включающие мероприятия по поэтапному сокращению использования органического топлива вплоть до полного отказа от него, ограничению потребления ресурсов и энергии и т. п. Ясно, что продвижение в этой области потребует усиления общественного контроля за экономикой, введения ограничений на индивидуальную свободу, широкомасштабной замены материальных ресурсов на человеческий труд в производстве, снижения в совокупном потреблении доли материальных товаров в пользу нематериальных благ, способствующих росту благосостояния людей [Jackson, 2009; Schor, 2011]. Одним словом, произойдет преобразование капитализма — такого, каким мы его знаем!

Таким образом, я уверен, что нам, радикальным экономистам, следует обратить особое внимание на угрозу для экологии и жизни на планете. Нам и нашим союзникам необходимо объединиться с правыми силами с целью разработки и пропаганды приемлемых с политической точки зрения мероприятий, направленных на предотвращение глобального потепления и климатических нарушений в краткосрочном периоде. Нам также нужно разработать и предать огласке новые способы производства и потребления, которые не провоцируют климатические изменения, сохраняют природу и обеспечивают всем людям высокое качество жизни в длительном периоде.

8. Заключение

Как считает Эндрю Дэлбэнкоу [Delbanco, 2013, p. 4], слово *радикальный* «когда-то подразумевало глубокую неудовлетворенность основаниями общества и революционное стремление к их ниспровержению». Мое собственное мнение о направлении, в котором должна развиваться РПЭ, сводится к ответу на вопрос о том, что я имею в виду, призывая к тому, чтобы экономисты говорили от имени радикальной политической экономии.

Я бы ответил, что слово *радикальный* все еще передает важные оттенки смысла, которые отличают деятельность радикальных политэкономов от работы наших

коллег, представителей общепринятой экономической науки. Мы исходим из образа идеального общества, которое на порядок более демократично, эгалитарно и солидарно, чем идеал представителя общепринятой экономической науки. Мы уверены, что улучшение нашего общества потребует осуществления радикальных изменений в его структуре, так как общественные основания несовместимы с достижением благосостояния. Мы считаем, что должны не просто бесстрастно наблюдать и исследовать общество, а участвовать в борьбе за его улучшение. И мы хотим сотрудничать в основном не с теми, кто удерживает в своих руках рычаги власти, а с теми, кто борется на низовом уровне против сохранения текущего положения дел.

Я утверждаю, что мы можем быть *радикальными* во всех указанных выше смыслах, не связывая себя обязательством верить в необходимость революционной конфронтации с властью имущими. Мои знания истории и современной политической реальности приводят к выводу о том, что использование эволюционной стратегии позволит добиться успеха в реализации основополагающих радикальных целей с намного большей вероятностью, чем применение революционного сценария.

Литература

- Akerlof G. A. The Market for 'Lemons': Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *Quarterly Journal of Economics*. 1970. Vol. 84 (3). P. 488–500.
- Akerlof G. A., Shiller R. J. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. 272 p.
- Binmore K. *Essays on the Foundations of Game Theory*. Oxford (UK): Basil Blackwell, 1990. 239 p.
- Bowles S., Gordon D. M., Weisskopf T. E. *Beyond the Waste Land: A Democratic Alternative to Economic Decline*. New York: Anchor Press/Doubleday, 1983. 300 p.
- Bowles S., Gordon D. M., Weisskopf T. E. *After the Waste Land: A Democratic Economics for the Year 2000*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1991. 269 p.
- Contemporary Capitalism and Its Crises / eds Kotz D. M., Reich M., McDonough T. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2010. 374 p.
- Delbanco A. The Two Faces of American Education // *New York Review of Books* 60. 2013. Vol. 15. P. 4–8.
- Gordon D. M. Up and Down the Long Roller Coaster // *US Capitalism in Crisis*. New York: Union for Radical Political Economics (URPE), 1978. P. 22–34.
- Gordon D. M. Stages of Accumulation and Long Economic Cycles // *Processes of the World-System* / eds T. Hopkins and I. Wallerstein. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1980. P. 9–45.
- Harris J. Green Keynesianism: Beyond Standard Growth Paradigms // *Working Papers*, 2013. N 13-02. Global Development and Environment Institute (Tufts University) [Electronic resource]. URL: <http://graduateinstitute.ch/fr/home/study/academicdepartments/international-economics/working-papers.html> (accessed: 20.09.2013).
- Jackson T. *Prosperity Without Growth: Economics for a Finite Planet*. London; New York: Earthscan/Routledge, 2009. 288 p.
- Social Structures of Accumulation: The Political Economy of Growth and Crisis / eds Kotz D. M., McDonough T., Reich M. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1994. 340 p.
- Schor J. *True Wealth: How and Why Millions of Americans Are Creating a Time-Rich, Ecologically Light Small-Scale, High-Satisfaction Economy*. New York: Penguin Books, 2011. 272 p.
- Shapiro C., Stiglitz J. E. Equilibrium Unemployment as a Worker Discipline Device // *The American Economic Review*, 1984. Vol. 74 (3). P. 443–434.
- Spence M. Job Market Signaling // *Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87 (3). P. 355–374.
- Stern N. *The Economics of Climate Change: The Stern Review*. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2007. 712 p.
- Sutcliffe B. Development After Ecology // *The North, the South and the Environment: Ecological Constraints and the Global Economy* / eds V. Bhaskar, A. Glyn. Tokyo: United Nations University Press, 1995. 276 p.
- Weisskopf T. E. Marxian Crisis Theory and the Contradictions of Late Twentieth Century Capitalism // *Rethinking Marxism*. 1991. Vol. 4(4). P. 70–93.

Статья поступила в редакцию 15 января 2015 г.